

Том 63, Номер 5

Май 1993

ISSN 0869-5873

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Главный редактор

И.М. Макаров

действительный член Российской академии наук

• Материалы Общего собрания Российской академии наук • Встреча ученых с премьер-министром России • Почему нам следует изучать мировой опыт. Статья академика В.В. Журкина • Проблемы экологии: между Стокгольмом и Рио-де-Жанейро • Великий еретик. 450 лет со дня смерти *Николая Коперника*

МАИК НАУКА

Внимание читателей предлагается необычный документ, обнаруженный автором публикации, обозревателем нашего журнала в Центральном архиве Министерства безопасности РФ: записка академика А.М. Деборина о его намерении покончить жизнь самоубийством. Несомненный интерес представляет и рассказ о предшествующих трагической записке событиях, о дальнейшей судьбе известного ученого.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ САМОУБИЙСТВО

Я. Г. Рокитянский

*Неизвестная записка академика А.М. Деборина
(от 20 января 1931 г.)*

“Я обесславлен, растоптан, уничтожен. Жизнь для меня потеряла всякий смысл. Добровольный уход – лучший выход из создавшегося положения. Подписать документ о моем антимарксизме и меньшевистствующем идеализме я не в силах. С меньшевизмом я в сущности порвал еще в октябре 1917 г. Предстоящее позорное исключение из партии – перенести это я не в состоянии. Дорогая Нюсенка¹. Я тебя заклинаю остаться жить. Я знаю, как тебе будет бесконечно тяжело, но это необходимо, хотя бы ради Гани². Прошу всех пощадить моих детей, дать им возможность стать хорошими партийцами и полезными работниками. Целую бесконечно горячо тебя, Нюсенка, и детей. Прощайте и не осуждайте меня.

Тебя, Гриша³, прошу заботиться о мамочке и Гане, быть для них старшим помощником и любящим сыном и братом. Веру⁴ и Ирочку⁵ целуйте за меня. Она чувствовала, как тяжело было дедушке. Веру прошу любить мамочку и Ганю.

20.1.

А. Деборин”.

Центральный архив Министерства безопасности Российской Федерации. № Р - 37181. Т. 6. Л. 151. Машинописная копия.

Публикуется впервые.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Деборина Роза Григорьевна (1877 - 1942) – первая жена академика А.М. Деборина.

² Деборин Гавриил Абрамович (1915) – сын А.М. Деборина, ныне доктор биологических наук.

³ Деборин Григорий Абрамович (1907 - 1987) – сын А.М. Деборина, доктор экономических наук.

⁴ Деборина Вера Александровна (1906 - 1992) – жена Григория Абрамовича Деборина.

⁵ Деборина Ирина Григорьевна (1929) – внучка А.М. Деборина, преподавала французский язык в ряде вузов Москвы.

Послесловие к документу

Имя академика Абрама Моисеевича Деборина (1881 - 1963) широко известно отечественным и зарубежным обществоведам. В 1908 г. он окончил философский факультет Бернского университета. С 1907 по 1917 г. был меньшевиком, участвовал в теоретических дискуссиях русской социал-демократии. В 1928 г. вступил в ВКП(б). Во второй половине 20-х годов А.М. Деборин возглавил школу марксистских философов-диалектиков, которая после успешной борьбы с “механистами” заняла ведущие позиции, стала считаться “философским руководством”. Ученый опубликовал немало работ по истории философии, диалектическому материализму и марксистской философии [1 - 7]. С 1922 по сентябрь 1930 г. он возглавлял журнал “Под знаменем марксизма”. С 1926 до начала 1931 г. был заместителем директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР (ИМЭ), занимался преподавательской деятельностью. В феврале 1929 г. избирается действительным членом Академии наук СССР.

Публикуемая записка датирована 20 января 1931 г. Это было время, когда уже завершалась прогрессивная на всю страну философская дискуссия. В книге И. Яхота “Подавление философии в СССР (20 - 30-е годы)” [8], перепечатанной в 1991 г. в трех номерах журнала “Вопросы философии” [9], освещены обстоятельства упомянутой дискуссии. На основе опубликованных источников выявлены ее основные этапы, их особенности, цели организаторов. Поэтому нет необходимости подробно описывать события. Коснемся лишь самых общих вопросов, связанных с позицией Деборина и позволяющих выяснить, как мог появиться на свет публикуемый документ.

Инициатором дискуссии и ее дирижером, отмечает И. Яхот, был И.В. Сталин. После устранения идейных оппонентов из руководства партии он решил подчинить своей воле и общественные науки. В их числе оказалась и философия.

Главным объектом нападок Сталин избрал Деборина и группу объединившихся вокруг него философов: Я. Стэна, Н. Карева, В. Тер-Ваганяна, Г. Баммеля, Б. Горева, И. Луппола, И. Подволоцкого, И. Агола, Г. Гессена и других. Конечно, многие их взгляды требуют критического переосмысления (прежде всего их апологетическое отношение к философским взглядам К. Маркса и Ф. Энгельса). Но эти ученые обладали глубокими познаниями в области западноевропейской и отечественной философии, научным кругозором, многое сделали для публикации работ выдающихся мыслителей прошлого. Сталину эти эрудированные интеллигенты, многие из которых дружили с Н.И. Бухариным, были не по душе. Генсек понимал, что они вряд ли быстро и безоговорочно признают его корифеем философской мысли. Он считал необходимым привести к рулю других людей, не особенно искушенных в тонкостях диалектики и научной мысли, но знающих политические ориентиры генсека и способных его поддержать и восславить. Речь шла о молодой научной поросли, выпускниках и слушателях Института красной профессуры (ИКП). Во главе этой группы стояли М.Б. Митин и Г.Ф. Юдин. Они, а также приближенные к Сталину идеологи партии в марте - августе 1930 г. выдвинули против Деборина и его сторонников первые обвинения: отрыв теории от практики, формализм, недостаточная активная борьба с методологией троцкизма и т.д. Несмотря на помощь, оказанную Митину и Юдину официальной партийной прессой и идеологами партии, Деборин и его единомышленники отбили атаку. Они еще не были лишены возможности выступать в печати и играли важную роль в деятельности организаций философов, в частности в Обществе воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД). Обвинения были отвергнуты, показана полная теоретическая несостоятельность попыток придать философии чисто идеологические и политические функции и с ее помощью решать конкретные проблемы всех научных дисциплин [9, с. 74 - 83].

Кульминацией дискуссии стало расширенное заседание президиума Коммунистической академии. Оно проходило четыре дня - с 17 по 20 октября 1930 г. Выступивший в качестве докладчика экономист В.П. Милютин повторил прежние обвинения. Он упрекал Деборина в недооценке роли Ленина как философа. В том же духе выступили Юдин и другие сталинисты. Они вновь получили достойный отпор. Все упреки были очень аргументированно отвергнуты [10, с. 12 - 164]. Но в тот момент, когда деборинцы могли говорить о своей победе в научном споре, против них были

применены явно некорректные методы борьбы. В самый разгар дискуссии 18 октября 1930 г. "Правда" опубликовала статью Юдина "Некоторые итоги философской дискуссии".

Публикация, направленная против деборинцев и одобренная официальным органом ЦК, не могла не внести замешательство в их ряды. Давление было подкреплено выступлениями видных деятелей из окружения Сталина - Е.М. Ярославского и Н.А. Скрыпника. Первый привел антибольшевистское высказывание Деборина 1908 г., в котором, в частности, говорилось: "Большевистские философы в идеологии своей не переходят за пределы мелкобуржуазного кругозора. Большевистские же стратеги, тактики с их романтическим революционным и мелкобуржуазным радикализмом, прилагают на практике теоретические принципы философского нигилизма, в основе которого лежит отрицание объективной истины и признание права за каждой личностью определять характер дозволенного и недозволенного, истинного и ложного, доброго и злого, справедливого и несправедливого" [10, с. 126 - 127].

Деборин отличался мягкостью характера. После очень резких выступлений и соответствующих бесед с партийными боссами в перерывах между заседаниями он дрогнул, поддавался давлению власть имущих и в заключительном слове начал каяться, назвал свой содоклад "ошибкой", потребовал, чтобы наиболее близкие ему философы Стэн и Карев решительно отмежевались от "право-левого блока" [11, с. 73 - 83]. "С первых слов видно, - отмечает Яхот, - это уже не тот Деборин, который был всего лишь несколько дней тому назад, когда он прочитал свой содоклад, полный боевого духа и негибимой воли. Перед аудиторией выступал уже надломленный человек... Все узловые позиции, которые он и его окружение отстаивали, защищали, в один миг были сданы, как будто "противник" прорвал фронт и дальнейшее сопротивление бесполезно" [9, № 10, с. 87].

Однако "самокритика" ученого не положила конец дискуссии. Сталин решил использовать сложившуюся ситуацию для того, чтобы нанести Деборину и его окружению окончательное поражение. 9 декабря 1930 г. он встретился с членами бюро ячейки ИКП. Своим авторитетом генсек хотел укрепить позиции философов-икапистов, явно неспособных самостоятельно на равных бороться с деборинцами. "Стенограмма не велась, по крайней мере, ни один документ никогда не был опубликован", - пишет Яхот [там же, с. 88]. Это не совсем так. Митин все же вел записи, и они находятся сейчас в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Несколько фраз Сталина, запечатленных в этих записях, были воспроизведены В.А. Смирновой. В частности, "вождь" говорил о необходимости "развернуть во всю критику" и заявил: "Бить - главная проблема. Бить по всем на-

правлениям и там, где не били" [12, с. 83]. Особое внимание Сталин уделил группе Деборина, чьи взгляды он обозначил как "меньшевиствующий идеализм".

По следам этой встречи было опубликовано несколько документов и материалов. Они подтверждают, что начавшаяся оголтелая травля Деборина и других философов была спровоцирована Сталиным. В передовой статье журнала "Под знаменем марксизма", ставшего в начале 1931 г. печатным органом сталинистов, отмечалось: "Высказывания т. Сталина, в которых впервые с наибольшей глубиной и последовательностью и четкостью была дана квалификация деборинской школы как взглядов меньшевиствующего идеализма, были поставлены вопросы разработки ленинского философского наследия, — явились переломным моментом в ходе всей философской дискуссии. Дискуссия была поднята на новую ступень, задачи поворота на философском фронте были определены с исчерпывающей ясностью" [13, с. 5].

Встреча Сталина с икапистами упоминалась и в резолюции бюро партячейки ИКП от 29 декабря 1930 г., и в докладах Митина, прочитанных на заседании фракции ОВМД в Коммунистической академии 1 января 1931 г. и на II Конгрессе этой организации [14]. В "Вестнике Коммунистической академии" увидела свет резолюция президиума Комакадемии от 11 января, где октябрьская дискуссия рассматривалась под новым углом зрения и в соответствии с установкой Сталина "подправлялась" предшествующая, более мягкая, резолюция президиума от 2 ноября 1930 г. [15, с. 15 - 22].

Прежние упреки в адрес Деборина и его окружения по сравнению с обвинениями, появившимися после встречи Сталина с икапистами 9 декабря 1930 г., выглядели безобидными. Теперь речь пошла уже о меньшевиствующем идеализме, идеалистической ревизии марксизма-ленинизма в области философии и естествознания, о меньшевистских традициях Деборина, об антимарксистской сущности взглядов его группы, об извращении ленинского принципа партийности философии, о недооценке Ленина как теоретика вообще и как философа-марксиста в особенности, об извращении и ревизии материалистической диалектики, неспособности действительно преодолеть идеализм Гегеля, об отрыве философии от политики, о полном непонимании задач нового этапа революции, стоящих перед философской мыслью, о каутскианской трактовке империализма, каутскианских ошибках в вопросах этики и т.д. [13, 14].

Все это звучало уже не как теоретические упреки, а как серьезные политические обвинения, и не случайно в одном из материалов делался вывод о необходимости "пересмотреть, перевернуть все написанное по философии представителями группы т. Деборина и подвергнуть жесто-

чайшей критике все антимарксистское антиленинское в их писаниях" [13, с. 22].

Можно себе представить, какое влияние оказали эти обвинения и недвусмысленные угрозы на душевное состояние Деборина, человека, не отличавшегося особым хладнокровием и невозмутимостью. Добровольная сдача теоретических позиций во время октябрьской дискуссии в президиуме Комакадемии деморализовала его. Ни о каком возмражении не могло быть и речи.

В этой обстановке Деборин вполне мог ожидать принятия жестких организационных мер: увольнения с поста заместителя директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса, отстранения от научной работы, наконец, исключения из партии со всеми вытекающими отсюда последствиями. Он не мог забыть о том, что произошло буквально на его глазах с бывшим меньшевиком и сотрудником ИМЭ талантливым экономистом и историком экономической мысли И.И. Рубиным. 1 декабря 1930 г., после появления в "Правде" статьи, содержавшей клеветнические выпады против него, тот был вынужден уйти из ИМЭ, а в ночь с 23 на 24 декабря его арестовали [16]. Так что оснований для отчаяния у Деборина было предостаточно.

Прошло более 60 лет, и сейчас трудно однозначно выявить события, непосредственно приведшие Деборина 20 января 1931 г. к мысли о самоубийстве. Но некоторые соображения на этот счет все же можно высказать.

Все могло начаться 15 января 1931 г., когда в "Правде" появилась рецензия Б. Базилевского на учебное пособие по историческому материализму. Один из упреков автору пособия гласил: он следует "по стопам меньшевистских концепций Деборина, Карева, Рязанова, Стэна, Ваганяна и их окружения, которые считают, что ленинизм ничего нового не дает для развития марксистского учения". Статья в центральном партийном органе привлекла внимание бюро партячейки Института К. Маркса и Ф. Энгельса [17]. Партийное руководство ИМЭ было тесно связано с ЦК ВКП(б) и в 20-х - начале 30-х годов очень точно выполняло его инструкции. Вполне возможно, что именно по указанию ЦК бюро партячейки ИМЭ пригрозило Деборину исключением из ВКП(б) в случае, если он публично не покается в меньшевиствующем идеализме и антимарксизме, то есть предъявило требования, о которых Деборин упоминает в публикуемой записке. Такое массивное давление и могло подтолкнуть Деборина 20 января 1931 г. к мысли о самоубийстве.

Как же развивались события дальше? Травля продолжалась. Завершающим аккордом стало принятое 25 января постановление ЦК ВКП(б) "О журнале "Под знаменем марксизма", где подвергалась критике деятельность возглавляе-

мой Дебориным редакции. Она была распущена, назначен ее новый состав [13, с. 1 - 2].

Несомненно, давление на ученого исходило от Сталина, которому была недостаточна полная сдача Дебориным теоретических позиций. Ему требовались более весомые подтверждения верноподданничества. Это Деборин осознал в полной мере позднее. И в 1933 г. на научной сессии по случаю 50-летия со дня смерти Маркса он, показавшись в своих прежних философских "прегрешениях", говорил: "К этому я должен еще прибавить и особо подчеркнуть, что мы прошли в значительной степени не только мимо Ленина, но и мимо работ т. Сталина, не понимая той огромной теоретической работы, которая им проделана в деле дальнейшего развития марксизма-ленинизма в целом" [9, № 11, с. 80].

Записка академика А.М. Деборина обнаружена мной в следственном деле директора ИМЭ академика Д.Б. Рязанова, которое хранится в Центральном архиве Министерства безопасности Российской Федерации. Деборин был его заместителем, их связывали тесные дружеские отношения [18, с. 116]. Вероятно, записка была передана родными Деборина Рязанову, а он, перед тем как вернуть ее, сделал для себя машинописную копию и оставил ее в своем архиве с многочисленными письмами репрессированных, а также их родных и близких с просьбами о помощи [18]. Рязанов великолепно понимал значение этой короткой записки и сохранил ее для истории. Кстати, он оказался единственным человеком, который бесстрашно выступил в защиту Деборина и других преследуемых философов. В конце января - начале февраля 1931 г. в письме в президиум Комакадемии он поставил под сомнение все обвинения, выдвинутые против них в упомянутой январской резолюции президиума, и задал его членам обоснованный вопрос: "А не есть ли "свет", ворвавшийся в ваш беспросветный академический подвал, только "озарение свыше" или превращенная форма "толчка извне", от которого из "глаз искры сыплются"?" [19, с. 147].

Мне удалось поговорить с родными академика и, в частности, с его сыном, доктором биологических наук Г.А. Дебориним, который долгое время работал в Институте биохимии АН СССР. Он рассказал мне о памятных и ему событиях 30-х годов:

"Мне было тогда 16 лет, и я знал о всех перипетиях так называемой философской дискуссии. Много рассказывал дома об этом отец. Однажды взял меня на диспут в Коммунистическую академию, и я из зала следил за ходом горячей дискуссии. Хорошо помню подавленное состояние, отчаяние отца в январе 1931 г., когда против него были выдвинуты чудовищные обвинения. Он часто стал вечерами уходить из дому. Мы жили в Староконюшном переулке. Недалеко от нас находился Гоголевский бульвар. Там он в оди-

ночестве проводил долгие часы. Мама очень волновалась, опасалась, что он может покончить с собой. Сам я записку отца не видел. Но мне передали рассказ мамы о том, что она обнаружила ее и сразу же вызвала милицию. Отца нашли на берегу Москва-реки. Подлинность записки не вызывает у меня никаких сомнений".

Сталин жестоко отомстил представителям деборинской философской школы. Все они были репрессированы в разное время. Лишь академик Деборин избежал этой горькой участи и, более того, смог продолжить научную работу в АН СССР. Сталин, вероятно, принял во внимание поведение Деборина во время октябрьской дискуссии 1930 г., когда тот в заключительном слове безропотно "разоружился" и этим очень помог ему. У генсека были основания не сомневаться в том, что Деборин будет вести себя подобающим образом и сможет принести ему даже пользу в Академии наук, одергивая строптивых, независимо мыслящих академиков. Выступление Деборина против академика В.И. Вернадского в 1932 - 1933 гг., вероятно, "оправдало" эти надежды [20]. Правда, после отпора, полученного от Вернадского, у него, очевидно, отпала охота к подобным демаршам.

Деборин пережил Сталина на десять лет и после 1953 г. успел опубликовать несколько серьезных научных трудов [21, 22]. Примечательно, что после философской дискуссии начала 30-х годов академик Деборин, как правило, не занимался чисто философскими исследованиями, а уделял главное внимание истории общественной мысли.

Вначале может показаться, что записка академика Деборина - документ чисто личного характера. Однако когда внимательно вчитываешься в текст, то понимаешь, что его значение далеко выходит за рамки биографического материала известного ученого. Он вносит новые штрихи в историю философской дискуссии начала 30-х годов и показывает, до какой опасной черты доводило тогда талантливых ученых манипулирование Сталиным общественными науками. Оно роковым образом сказалось не только на судьбах этих людей, но и на всем обществоведении.

В заключение хотим поблагодарить родных академика А.М. Деборина за разрешение опубликовать записку в нашем журнале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деборин А.М. Людвиг Фейербах. Личность и мировоззрение. М.: Материалист, 1923.
2. Деборин А.М. Г. Лукач и его критика марксизма. М.: Материалист, 1924.
3. Деборин А.М. Ленин как мыслитель. М.: Красная новь, 1927.
4. Деборин А.М. Последнее слово ревизионизма. М.: Материалист, 1925.

5. *Деборин А.М.* Очерки по истории материализма XVII - XVIII вв. М. - Л.: Госиздат, 1929.
6. *Деборин А.М.* Гегель и диалектический материализм // Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М. - Л.: Госиздат, 1929.
7. *Деборин А.М.* Диалектика и естествознание. М. - Л.: Госиздат, 1929.
8. *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20 - 30-е годы). New York: Chalidze Publication, 1981.
9. *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20 - 30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 9 - 11.
10. О разногласиях на философском фронте. Заседание Президиума Коммунистической академии 18 октября 1930 г. // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 40 - 41. С. 12 - 164.
11. О размышлениях на философском фронте. Заседание Президиума Комакадемии // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 42.
12. *Смирнова В.А.* Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов // Вопросы истории КПСС. 1989. № 9.
13. Под знаменем марксизма. 1930. № 10 - 12.
14. Репрессированная наука. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 477.
15. Современные задачи марксистско-ленинской философии (Резолюция Президиума Коммунистической академии по докладам тт. Милютина и Деборина "О разногласиях на философском фронте" // Вестник Коммунистической академии. 1931. № 1.
16. *Васина Л.Л., Рокитянский Я.Г.* Страницы жизни и творчества экономиста И.И. Рубина // Вестн. РАН. 1992, № 8.
17. РЦХИДНИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 21. Л. 53 - 54.
18. *Рокитянский Я.Г.* Неизвестные письма российских ученых двадцатых годов // Вестн. АН СССР. 1991. № 11.
19. *Рокитянский Я.Г.* Неукротимый академик (новые архивные материалы о Д.Б. Рязанове) // Вестн. АН СССР. 1991. № 7.
20. *Янишин А.Л., Кузнецов Г.А., Янишина Ф.Р.* Охрана природы в России. История и теоретические предпосылки // Вестн. РАН. 1992. № 11. С. 39.
21. *Деборин А.М.* Социально-политические учения нового и новейшего времени. М.: Изд-во АН СССР. 1958. Т. 1.
22. *Деборин А.М.* Философия и политика. М.: Изд-во АН СССР, 1961.